

Лепешка хошао была сухой, ее можно было есть просто так, откусывая кусок и заедая жареной вырезкой, что тоже было очень вкусно. Но по сравнению с лепешкой, пропитанной супом, это было менее насыщено.

Когда лепешка хошао пропитывалась супом, ее текстура становилась особенной: она набухала, становясь влажной. Уже плотная лепешка, впитав бульон, становилась еще нежнее, а вкус — более насыщенным. А аромат супа из бараньих потрохов был настолько ярким, что казалось, будто он материализовался, ошеломив всех, кто его пробовал.

Часто, когда люди приходили в себя, гора лепешек хошао уже исчезала.

Суп был насыщенным, серовато-белым, и казалось, что владелец Чэнь варил его годами. Он был настолько густым, что напоминал полузастывшее свиное сало, и выглядел очень аппетитно. Бараньи потроха — желудок, кишки, печень и легкие — плавали в супе, поднимаясь и опускаясь вместе с движением ложки.

Бараний желудок был упругим, хотя его нарезали на мелкие кусочки, он занимал особое место в супе. По сравнению с говяжьим желудком, бараний был более нежным и хрустящим.

Бараний кишечник, как и желудок, был нарезан на длинные полоски, но он был более упругим и ароматным. Разжевать его было непросто, и большинство людей просто проглатывали его, немного пожевав.

Печень и легкие были нарезаны тонкими ломтиками, темно-коричневого цвета. Печень была хрустящей, а легкие — более нежными. Хотя они не обладали такой текстурой, как желудок и кишечник, их вкус был уникальным.

Ши Вэй ел суп, потроха и лепешку хошао, пока не покрылся потом. Пот, который начал подсыхать, был неприятным, но вкус еды заставлял его игнорировать дискомфорт и полностью сосредоточиться на еде.

Ши Вэй ел баранину с луком, и его первоначальное опасение, что лука будет слишком много, исчезло, как только он попробовал его.

Ши Вэй не любил лук, или, скорее, успешный Ши Вэй не любил лук. Он не ел не только кинзу, но и лук, придерживаясь принципа: «Мне нужен лук в блюде, но я не хочу его есть или видеть».

Баранина с луком была приготовлена не с тонкими зелеными луковицами, а с крупным, светло-желтым с зеленью. Но Ши Вэй не любил ни те, ни другие.

Когда блюдо подавали, Ши Вэй сначала нахмурился. Лука было так много, что почти не было видно баранины.

Ши Вэй даже на мгновение подумал, что владелец Чэнь учился у «ланьчжоуской лапши», потому что это блюдо больше походило на лук с бараниной, чем на баранину с луком.

Но когда Ши Вэй раздвинул лук, чтобы найти баранину, он обнаружил, что она была спрятана под слоем лука. Под верхним слоем лука лежали блестящие, горячие кусочки баранины.

Баранина была нарезана на маленькие, тонкие кусочки, слегка свернувшиеся посередине. Тонкий лук казался вездесущим.

Ши Вэй хотел убрать весь лук, но перед Линь Фэном и Сюй Шиванем он не мог позволить себе такую привередливость. Он решил проглотить лук, задержав дыхание.

Но как только лук попал в рот, его аромат, более сильный, чем у баранины, ударил в нос, а затем в мозг, передавая такой насыщенный вкус, что это было поразительно.

Баранина была нежной, сочной, без характерного запаха, и ее текстура доставляла удовольствие. Но по сравнению с луком, казалось, чего-то не хватало.

Лук был очень ароматным. Хотя это был не мясо, он впитал в себя вкус баранины, и его сладковатый привкус был настолько приятным, что казался даже более насыщенным, чем вкус баранины.

Ши Вэй изменил свое мнение о луке. Он собирался просто проглотить его, но, попробовав такой вкусный лук, сразу же изменил свое отношение.

Трое съели все, что заказали, и только потом, с полными животами, отправились обратно в школу.

Линь Фэн и Сюй Шивань смущенно пообещали Ши Вэю:

— Ши Вэй, не волнуйся, мы будем усердно работать и заработаем деньги, чтобы угостить тебя!

Ничто не могло быть решено без мяса, а если и могло, то только потому, что мясо было недостаточно вкусным!

Перед едой Линь Фэн и Сюй Шивань сомневались в себе, но после ужина они сразу же обрели уверенность, их глаза загорелись решимостью, и они с нетерпением ждали следующего дня, чтобы взяться за дело.

Пока они разговаривали, Ши Вэй делился с ними советами о том, как использовать каждую минуту для учебы, и рассказывал о универсальных ответах.

Они шли и говорили, и незаметно уже подошли к двери общежития.

Ши Вэй открыл дверь, и четыре пары глаз устремились на него.

У Мэн и Хуан Дасянь, увидев их, явно облегченно вздохнули и громко сказали:

— Вы вернулись!

Линь Фэн и Сюй Шивань ответили, украдкой поглядывая на красивую «молодую» женщину у кровати, и взглядом спрашивали У Мэна и Хуан Дасяня.

Ши Вэй, увидев гостью, улыбнулся, но в глубине глаз появилась холодность.

Память человека удивительна. Казалось бы, давно забытые события могут внезапно всплыть снова при повторном столкновении.

Ши Вэй помнил, что мачеха Лу Юаньчжи, Бай Ифан, которую он видел несколько дней назад, пришла во вторую субботу после начала учебного года.

Именно тогда их отношения с Лу Юаньчжи окончательно разладились.

Бай Ифан, какая бы она ни была на самом деле, производила впечатление слабой матери, которая слишком баловала ребенка.

Она была подругой и одноклассницей матери Лу Юаньчжи, и у них даже была некоторая кровная связь. Она была того же возраста, что и мать Лу Юаньчжи, и имела некоторое сходство с ним. А так как Лу Юаньчжи не любил говорить о своей семье, Бай Ифан легко заняла место «матери Лу Юаньчжи».

— Здравствуйте, ребята, я тетя Лу Юаньчжи, — голос Бай Ифан был тихим и мягким, а взгляд — нежным и осторожным.

Рядом с Бай Ифан стоял человек, присланный Лу Чжэннином для ее защиты, молчаливый, как тень.

Ши Вэй уже не помнил, как именно Бай Ифан представилась в прошлой жизни, но, вероятно, это было похоже. Только тогда никто не знал, что она была мачехой, и она представилась как мать, а не как тетя.

Бай Ифан казалась мягкой и доброжелательной, говорила тихо и нежно, вызывая доверие.

Но она была мастером слов. Девяносто девять из ста ее слов были правдой, но именно эти девяносто девять слов и одно ложное направляли людей в нужное ей русло.

В прошлой жизни Бай Ифан пришла с таким же обеспокоенным выражением лица, говоря, что Лу Юаньчжи доставляет им неудобства, и просила их проявить терпение. Она также слегка упрекала себя, говоря, что избаловала Лу Юаньчжи и не справилась с ролью матери.

Бай Ифан угостила их в самом большом отеле Яньцзина, и дистанция между ними сразу же стала очевидной. Такой роскошный отель, где один ужин стоил годового дохода их семьи, создавал огромную пропасть, которую они, выходцы из простых семей, не могли преодолеть.

Чем больше Бай Ифан унижала себя, тем хуже они воспринимали Лу Юаньчжи.

Характер Лу Юаньчжи был холодным, у него и так не было друзей, и он не обращал внимания на то, что их становится меньше. Постепенное отдаление соседей по комнате его не беспокоило.

А что касается Ши Вэя и его друзей? Они накопили множество негативных впечатлений о «капризном, своенравном, сложном» Лу Юаньчжи от Бай Ифан, а также были чувствительны к разнице в их социальном статусе. Эта чувствительность постепенно привела к тому, что они перестали общаться.

Студенты были заняты и не стремились заводить друзей ради будущего. В их сердцах была доля гордости, и они считали, что Лу Юаньчжи, с его ярлыком «богатый, капризный, властный», был из другого мира.

Если они были из разных миров, то отсутствие общения было естественным.